

Иная жизнь Евы

Автор:

[Ксения Север](#)

Иная жизнь Евы

Ксения Север

У вас хоть раз было желание изменить одно единственное событие в прошлом? То самое, которое делит жизнь на «до» и «после»? Мое Желание исполнилось и жизнь круто изменилась. Из «серой мышки» в «мисс популярность», из болота отчаяния в роскошную жизнь. Любовь, подруги, семья... Или это только видимость? Сейчас я расскажу вам сказку. О жестокости и любви, о горечи предательства и силе настоящей дружбы. С капелькой отчаянья и ноткой боли. Я расскажу вам сказку, в которую вы, может, не поверите. Но для меня эта сказка – жизнь. И я все ещё верю, что у неё счастливый конец.

Ксения Север

Иная жизнь Евы

Глава 1

Утро понедельника началось громко шумно и до безобразия рано. Крики и звон разбитого стекла ворвались в мой беспокойный сон, разнося волны оглушительной головной боли. Перевела взгляд на бессовестно тикающий будильник. Шесть тридцать! Только один человек мог появиться на пороге в такую рань!

Вопли за стеной сменились воем и невнятным хорошо знакомым бормотанием. Вся кровь прилила к щекам. Ну конечно! Мой нерадивый папаша в очередной раз решил навестить свою любимую кровиночку, после очередных бурно проведенных выходных. Но вот беда, на его пути попалась бывшая жена, по совместительству являющаяся моей матерью.

Каждый пьяный стон отца отзывался внутри тупой болью. Этот, некогда родной человек, за последние годы раз за разом врывается в нашу тихую спокойную жизнь, принося лишь одно разочарование.

Я подскочила со старенького скрипучего дивана, резко распахнула дверь и застыла, щурясь от яркого света.

Отец в осколках зеркала полулежал на бежевом линолеуме. На его руках я заметила свежие порезы. Мать, сжав руки в кулаках, грозно нависла над ним. Ее каштановые волосы торчали в разные стороны, брови сошлись на переносице, а темные глаза готовы были метать молнии.

– Ева! Закрой дверь с обратной стороны! – голос матери дрожал от гнева.

В этот момент отец завалился на бок, размазывая кровавые следы по синим цветочкам на обоях, а затем завыл от боли. Мамино внимание переключилось на него.

– Замолчи! Ничтожество! Пошел вон из моей квартиры! Ты бессовестный, отвратительный...

Внутри будто что-то щелкнуло. Я непроизвольно бросилась к отцу, пытаюсь параллельно найти взглядом нечто хоть отдаленно напоминающее бинт или полотенце. В нос ударила тошнотворная волна смеси запахов перегара, табака, затхлости и грязи.

– Мама, пожалуйста...! – я присела на пол и попробовала оттащить папашу из груды осколков, но его пьяное сознание не намерено было мне помогать. Он просто сидел и стонал.

– Прекрати сейчас же! – мать схватила меня за плечи, – Не смей прикасаться к этому! Он наверняка болен чем-то заразным!

– Мам! Он истекает кровью! – мне все же удалось вытащить руки отца из осколков, – Ему нужна помощь!

– Ему нужен вырезвитель! – Мать развернулась и с высоко поднятой головой скрылась за дверью кухни. – И чтобы к твоему уходу ноги его в нашем доме не было!

Я не могла его вот так бросить или вытолкнуть в подъезд... Не могла! Поэтому попыталась оттащить нерадивого папашу в комнату и хоть немного обработать его раны. Еще бы в обморок не грохнуться от витающего вокруг него запаха перегара.

– Пап, если ты сейчас мне не поможешь, то мама выкинет на улицу нас обоих, – я зашептала и попыталась подтолкнуть отца в сторону комнаты, – Ну же!

Путь до нашей небольшой спальни равный двум нормальным человеческим шагам мы преодолевали невыносимо долго, и это практически отбило у меня желание помочь этому, когда-то родному, человеку. Но взяв свою волю в кулак, я усадила папашу на пол, прислонив к стене, а затем прошмыгнула в ванную за полотенцем, чтобы предпринять меры по очистке рук отца от крови и грязи.

К тому времени как хлопнула входная дверь, а хлопнула она довольно грозно, мне удалось обработать раны нерадивого родителя и даже замотать его ладони бинтом. Решив, что этого будет достаточно, я собрала все осколки в прихожей, и прихватив свою потрепанную школьную форму, решительно направилась приводить в порядок себя.

Сегодняшний день не мог начаться по-другому. В моей жизни все идет через одно место. Наверное, стоит отменить сегодняшний поход в кино. Это с самого начала было плохой идеей. Правильно Лизка говорила. Дожила до семнадцати лет без свиданий, значит и начинать уже поздно. О каких парнях вообще речь? Одиннадцатый класс, на носу ЕГЭ, а у меня в голове «розовые сопли»! Нужно больше заниматься, чтобы поступить на бюджет, а не заниматься всей этой ерундой! И вообще, за три часа сидения в кинотеатре можно заработать пятьсот рублей промоутером.

Я включила воду и перевела взгляд на зеркало.

Стекло отразило тощую бледную девушку с огромными серыми глазами в посеревшей от времени рубашке. И на что я вообще надеюсь? Неужели сам Роман Волков, волейбольная звезда нашей школы, всерьез может пойти с такой как я на настоящее свидание? Это будет просто поход в кинотеатр в расплату за то, что я делала за него домашки по английскому полгода. И даже если он вообще придет, то сядет в противоположном конце зала.

Сердце болезненно сжалось в груди. К горлу подступил комок.

Он – мачо. Я – изгой. И с этим ничего не поделаешь, этого никак не исправить. Все чертовы десять лет школы меня либо не замечали, либо надо мной издевались. Просто так. Ради хохмы. С первого по восьмой класс самыми безобидными моими прозвищами были «свинарка», «нищенка» и «поломойка». Приколы у богатеньких одноклассников были такие – поржать над той, которая не может отомстить. В начале девятого класса я попросту перестала обращать на все это внимание и... наступило затишье. Я выжила в этом филиале ада на земле, научилась не обращать внимания ради учебы в лучшей школе нашей провинции из восьми имеющихся. Можно сказать элитное заведение! Сюда отбирали детей по размеру кошелька родителей, но мне «повезло». Меня, дочку продавщицы, приняли на обучение в числе тех немногих, которые прошли систему тестирования.

Вот так я стала девочкой для битья, невидимкой.

Нет. Этот поход в кино точно стоит отменить. Нужно знать свое место пока мне в очередной раз не сделали больно.

Я плеснула на лицо водой, завязала волосы в тугий высокий хвост и покинула помещение ванной комнаты.

Отец успел перебраться с пола на кресло и рассматривал свои руки с долей пьяного удивления.

– Ева, доча... – голос папаши оказался сиплым и дрожащим, как у дряхлого старика. Дряхлый сорокалетний старик. Звучит ужасающе.

- Пап, - я давно решила не вести никаких диалогов с ним в таком состоянии, - Нам нужно выметаться отсюда. Мама будет в бешенстве, если увидит тебя во второй раз за сегодняшний день.

- Пстой, - серые глаза отца, точь-в-точь мои, смотрели на меня умоляюще, - Воды. Принеси.

Это просто стакан воды. Один стакан и мы уйдем отсюда. Успокаивая себя, я вздохнула и направилась на кухню.

- Ты мой ангел! - отец заговорил бодрее после третьего стакана, но его речь по-прежнему была невнятной. «Тзы мвой анзел» - вот что на самом деле проговорил сквозь зубы папаша.

- Твоему ангелу крылышки пообрывают, если он опоздает в школу. Идем.

Спокойно, Ева. Он твой отец. Родителей не выбирают. Спокойно.

- Ева! - Внезапно отец схватился за мои руки ладонями в бинтах. Я отшатнулась, - За что она так со мной? Я люблю ее, тебя люблю...всех люблю...

Глаза папаши наполнились пьяными слезами. Нет уж, на эти уловки я больше не поведусь.

- Пап! - заговорила строго, жестко, - Нам нужно идти! Ты меня слышишь?

- А помнишь, я купил тебе сладкую вату и шарики в парке? - отца понесло дальше по волнам пьяных воспоминаний, - У тебя тогда были хвостики, как у белочки...ты смеялась...и мама смеялась...

- Это было пятнадцать лет назад! Хватит, - я резко оборвала слезливые речи. Затем стащила папашу с кресла и направилась к двери. На душе будто кошки скребли.

- Ты как она! - Отец рявкнул с обидой в голосе, - Такая же... жесткая, грубая... Я твой отец! Помни это!

Вся кровь прилила к щекам. Меня затрясло.

- Я все помню, это ты забываешься! Тебе освежить память??

- Ты не понимаешь...Ты моя дочь, мой ангел... А она нас разлучила! Из-за нее я такой! - папаша вцепился в дверной косяк.

- Мама нас не разлучала. - Я разжала его слабые пальцы. - Все произошло по твоей вине! Прекрати сюда приходить!

Черт возьми, да зачем я с ним вообще разговариваю? Он невменяем!

- Она меня выгнала! А я вас любил! Ты - мое солнышко, мое светлое...

- Хватит! Ты знаешь, как было на самом деле, - голос предательски дрогнул.

- Да! Да, доча! - отец начал кричать, - Я ошибся! Все ошибаются! Но Я вас всегда любил! Твоя мать - вот кто сволочь!

- Не смей так говорить!!!

- Да! - папаша, наконец, вывалился в подъезд, - Твоя мать могла бы простить меня! Сейчас бы катались...как сыр...ик...в масле! На мерседесе! У нас...ик...была бы семья! Ты ... должна это понимать! Я не виноват...

Я замолчала и, скрывая злость, подтолкнула пьяного родителя в кабину подъехавшего лифта. Хоть он и не трезв, а знает, в какое место бить больнее всего. Конечно же, я помнила. Все помнила. Как нам втроем было хорошо, как папа с мамой любили друг друга, как меня водили в парк на карусели и покупали сахарную вату. Всю жизнь я думала о том, а что было бы, если наша семья не распалась. Если бы моя мама вместо того, чтобы судорожно броситься на любую работу, лишь бы прокормить ребенка, закончила бы университет. Если бы папа вместо того, чтобы падать все ниже по социальной лестнице смог бы и дальше работать инженером, добиваться успехов в своей профессии. Как бы все сложилось? Было бы всем от этого лучше?

– ... и доча, я тебе одно скажу! – отец навалился на меня всем своим весом пытаюсь обнять, – Я люблю тебя! Ты мой ангел!

Кое-как мне удалось вырваться из пьяного захвата и подтащить родителя к выходу.

Вот он заладил со своим ангелом! Будто не понимает, что как раньше уже не будет! Никогда не будет! Он выбрал свой путь!

Нужно скорее сдавать отца на руки его новой жене.

– Ев-в-у-ушка! Поговори со мной! Ты думаешь, я алкоголик? Я не алкоголик!

– А кто же ты? – я невесело усмехнулась.

– Я залечиваю душевные травмы! Твоя мать! Она меня искалечи-ила... забрала мою кровиночку-у...

– Успокойся, – я заговорила, сцепив зубы, – рядом твоя кровиночка.

Мы, наконец, добрались до нужного подъезда, и, прислонив отца к стене, я набрала номер квартиры на домофоне.

– Ева! – отец испуганно и узнавюще рассматривал дверь, – Ты хочешь сдать меня этой женщине?! Ева!

– Папа, эта женщина – твоя законная жена, – в этот момент из домофона прохрипело грозное: «Володя?!», поэтому пришлось протараторить, – Галина Григорьевна, спуститесь, пожалуйста.

Из динамика полетела брань и какие-то непонятные звуки. Я решила не вступать в разборку между отцом и его очередной, на этот раз законной, женой. Убедившись, что отец не в состоянии куда-либо сбежать, поспешила удалиться от подъезда.

Путь до школы пришлось преодолевать бегом по ноябрьским подмороженным скользким лужам. Ветер раздувал полы тонкого пальто, пробирая до костей.

Ноги норовили разъехаться, но я чудом добралась до «филиала ада» в целостности и сохранности. Для полного счастья не хватало только сломать себе какую-нибудь конечность. Лизка встречала меня возле школьных ворот. Подпрыгивала на месте в попытке согреться и крутилась в разные стороны с недовольным видом. Ее темные короткие волосы топорщились в разные стороны, а на круглом румяном лице читалось недовольство.

– Я тут уже фигов час торчу! – подруга, наконец, заметила меня и нахмурилась, – Где тебя черти носят?

– Не черти, – я коротко мотнула головой и направилась следом за подругой к школе, – Отец решил украсить мое утро легким ароматом перегара и речами о вечной любви.

– Это же надо так сказать, – Лиза понимающе хмыкнула, – В тебе погибает писательница.

– Угу. Мечтательница, – поправила я подругу, – И медсестра. Знаешь ли ты, как сложно бинтовать изрезанные руки невменяемому человеку. Я вот не знала

Мы направились к школе.

– Не принимай близко к сердцу. Скоро вся эта жесьть закончится, – Лиза накинула на меня руку, – Вот поступим в универ, съедем в общагу, заживе-ем...

– Угумс. Сначала столкнемся с общим душем на этаже и грязным сортиром, а возможно даже с полчищами тараканов, и это хорошо, если не будет клопов! Далее многочисленные соседи по комнате не будут давать спать, а еще одна из твоих новых псевдоподружек приведет нового хахаля и попросит освободить комнатку на половину ночи...

– Хватит! – Лизка мотнула головой, – Стоп. Прекрати! Ты же оптимистка по жизни.

– Похоже, что не сегодня, – перескакивая через ступеньки мы добрались до холла школы.

Здесь, как всегда, было не протолкнуться. Стоял гул сотни голосов. И никому не было никакого дела до нашего появления. Ничего нового.

Мы рухнули на одну из освободившихся лавочек.

- Погоди-погоди! Сегодня же тот самый день, да?

- Сегодня еще один понедельник, - я пожала плечами, - Итого осталось примерно двадцать...

- Ты прекрасно знаешь, о чем я! Я про тебя и Волкова! У вас же сегодня с ним сви...

- Тихо! - я шикнула, старательно отводя взгляд, - Это просто поход в кино. Может мы будем сидеть в разных концах зала... Хотя скорее всего, так и будет...

- Ев, если бы это не было словом-которое-нельзя-называть, черта с два ты бы пошла смотреть «Ржачные каникулы», - Лизка хмыкнула. - Хотя я бы на твоём месте...

- Это просто кино, Лиз! - я скинула пальто, переобулась, - Я делала за него домашку помогала с английским, он отведет меня в кино, ясно?

- Ясно, - Лизка закатила глаза. - Нафига тебе это надо? Чует моя задница, что ничего хорошего из этого не выйдет.

- Что может случиться в кино? Ну? Лиз, все в порядке. А ты что вечером делать будешь?

До урока оставалось десять минут, и мы неспеша направились в сторону кабинета, протискиваясь между спящей малышкой.

- Эй! Осторожнее! Головы себе порасшибаете! - Лизка закричала на весь коридор, вызывая лишь хохот у младшекласников, - Что я делаю. Да как всегда. Алиску из сада заберу, покормлю, выгуляю... Блин, вот иногда думаю, она что, моя дочь что ли?

– Эй, она твоя сестра!

– Угу. От нее одна головная боль. Тут учудила, блин! Заперлась от меня в ванной! И утащила айпад! Представляешь! Я в ее возрасте строила куличики в песочнице и в носу ковырялась, а она, видите ли, свинку пеппу решила посмотреть.

– И что в этом такого?

– Да то, что влетело от родаков то мне. Я же не уследила.

Я рассмеялась.

– Тебя обхитрил четырехлетний ребенок.

Алиска покорила мое сердце с первого взгляда. Хитрющего, немного нахально взгляда. Эдакая лиса Алиса из сказки про буратино. Полная противоположность спокойной и рассудительной Лизке.

Интересно, была бы у меня сестра, если бы родители не развелись? А может брат? Нет, серьезно, я бы с большим удовольствием забирала его из сада, кормила, одевала раздевала... Только бы не видеть того, что происходит сейчас.

Внутри опять что-то екнуло. К горлу подступил комок.

– Ты так говоришь, потому что у тебя нету мелких, – Лизка не заметила моих переживаний, – Будь ты на моем месте, ты бы с ума сошла за вечер от Алискиных выходов.

– Она чудесная, – я заговорила, стараясь выровнять голос.

– Она просто маскируется, – мы вошли в кабинет и лицо Лизки исказилось от ужаса, – Вот че-ерт! Сегодня что, блин, контрольная?!

День шел своим чередом. После контрольной началась самостоятельная, которая сменилась лабораторной. Казалось, что именно сегодня школа решила выпить из нас все соки. Одиннадцатый класс! Подготовка к ЕГЭ! С первого

сентября у учителей были такие лица, будто у надзирателей в тюрьме. Никаких сотовых! Никаких шпор! Даже мне, примерной отличницы, от такого контроля становилось немного не по себе.

После всей этой экзекуции пришла она. Спасительная Большая Перемена. Время сплетен, обнимашек старшеклассников, беготни малышни и время перекуса. А учитывая то, что со вчерашнего вечера мой желудок был пуст, сейчас я обрадовалась этой перемене как никогда. Внутри меня, похоже, завелся кит, поющий грустные голодные песенки от одного вида помещения столовой. И все эти запахи щей и гречи с котлетами казались божественными ароматами.

Лизка зачарованно замерла напротив витрины с сегодняшним обедом. Толстая повариха в необъятном халате небрежно раскладывала по тарелкам не слишком аппетитные порции.

- Надо прекращать жрать. Сколько калорий я сегодня съела? - лицо подруги стало таким, будто она решает теорему Ландау, - За выходные я опять поправилась на восемьсот граммов. Надо садиться на диету. Жизнь - боль.

Из года в год одно и то же. Борьба с весом, который она упорно называла лишним. Но вес стоически держался, не сдавая позиций. Лизка грустила, редела и заедала стресс пирожками, отчего вес опять стремительно рос.

- А смысл? - я хмыкнула, пересчитывая свои сбережения, - Твой вес как-то сказывается на твоём умении шевелить мозгами? А вот если ты будешь ходить голодная, то опять схватишь трояк и поругаешься с отцом. Оно тебе надо?

- Ты умеешь поддержать, блин! Ладно. Стану вечноголодным студентом, похудею, - Лиза облегченно улыбнулась, - Нужно подкрепление мозга! Химия отняла у меня слишком много сил. А ты что будешь?

- Пирожок с чаем, - я насчитала ровно двадцать рублей, которых хватало ровно на пирог с яблоком и чай.

- Серьезно? - Лиза округлила глаза, - Ты хоть завтракала?

Я не умела врать, поэтому просто передернула плечами.

– Нет, ты будешь еще картошку с мясом, – подруга грозно шикнула в мою сторону, – И убери свои деньги! Сегодня моя очередь платить.

– Прекрати, – я мотнула головой, – Моя очередь платить никогда не наступит. Лиза, прекрати...

– Поздно, – подруга улыбнулась и, выставив поднос перед кассой, затараторила, – Нам две порции картошки, одну порцию супа, два пирожка с яблоком и два чая. Спасибо.

По-моему вся кровь моего организма прилила к щекам. Что я могла сейчас сделать? Отказаться? Завопить, что не голодна? Глупо.

Пришлось молча отойти к столу, за которым мы обедали последние лет шесть. Немодный, вдали от сплетен, суеты и школьной «элиты». Место для невидимок. Зато здесь я могла чувствовать себя спокойно.

– Ты на себя в зеркало вообще в полный рост смотришься? – Лиза уселась на свое место. В ее голосе чувствовалось раздражение.

– Бывает, – я принялась себя рассматривать, – А что не так?

– А то не так, что ты похожа на скелет, обтянутый кожей. Ты что, вообще ничего не ешь?

– Лиз, не начинай, а! – я взялась за горячую кружку и утопила свой пристыженный взгляд в чае. – У меня просто нет аппетита, серьезно!

– Я знаю тебя! – Лиза принялась уплетать суп, и продолжила с набитым ртом, – Прекрати экономить на том, что ты ешь. Иначе поступать в вуз будет некому. Усохнешь. Или ветром сдует.

Переживания подруги были оправданы. Я питалась крайне скверно. Продукты из холодильника старалась брать как можно реже, пытаюсь таким способом сократить расходы мамы на еду. А все свои карманные и заработанные деньги откладывала на ноутбук. Правда, накопление проходило неважно, деньги постоянно требовались на сапоги маме, на пальто мне, следующим в очереди

покупок стоял пуховик. Хотя возможно если эта зима будет не такой уж и холодной...

- И еще, - возмущение в тоне голоса подруги никуда не делось, - Ты на термометр уличный смотрела? В курсе вообще, что отрицательная температура?

- Угу, первый день зимы и все такое...

- Красота красотой, но в осеннем пальто ты загнешься еще раньше, чем загнешься от голода. Я просто в шоке, ты сама себе вбила в голову, что надо на всем экономить. Да, возможно, денег вашей семье и не хватает, но ты сама довела до абсурда свою экономию.

- Тебе не понять...

- Ой, эту песню я слышала уже, - Лиза фыркнула, - Я знаю твою маму, она явно не морит тебя голодом, и ты прекрати морить. Работай, работай вилкой!

Лиза временами напоминала мать - наседку. Она все время знала, как будет лучше и постоянно следила за всем вокруг. Если бы на месте подруги был любой другой человек, я бы, наверное, послала его куда подальше с его советами. Но Лиза, искренне желая мне добра, делала это так непосредственно и открыто, что попытка упрекнуть ее в чрезмерной заботливости была бы самым постыдным поступком в моей жизни.

Я нехотя взялась за вилку, подцепила котлетку и отправила ее в рот. Божественный вкус мяса заставил меня на время забыть о теме нашего разговора, и я принялась быстро поглощать содержимое тарелки.

- Одиночка опять на тебя пялится. Я тебе точно говорю, мысленно он уже тебя раздел, - заговорщицкий шепот Лизы отвлек меня.

Я резко развернулась и тут же уткнулась взглядом в чуть ссутуленную фигуру одноклассника. Его отросшие волосы спадали на лоб, а взгляд темных, как ночь, глаз был устремлен в мою сторону.

«Одиночка», точнее Алексей Дорошенко, появился в нашем классе два года назад и тут же, с подачи классрука, стал моим соседом по парте. Тихоня, спокойный, уравновешенный и жутко молчаливый. Кличка «одиночка» прицепилась к нему с первого появления в классе. Блистал на уроках информатики, был на «ты» с техникой, а с людьми предпочитал держаться на расстоянии.

Странный, но в то же время что-то в нем было такое... Была какая-то тайна.

Одиночка действительно смотрел на меня, смотрел изучающе, скорее, как на подопытного кролика, чем как на девушку.

– Фигня это все. Я обещала ему отдать свою тетрадь по литературе, но ты ее наглым образом отобрала, – я пожала плечами и легонько кивнула соседу по парте, он сразу же отвел свои большущие темные глаза, – И он не одиночка. Его зовут Алексей.

– Ах, он уже стал Алексеем, – Лиза захихикала, поедая свою порцию котлет, – Нет, правда, он слишком много на тебя глазеет. Кого бы ты выбрала, его или Волкова?

– Опять ты! – я возмутилась, – Начнем с того, что никто бы из них меня не выбрал.

– Не говори глупостей! Я же теоретически спрашивала. – Лиза подмигнула ухмыляясь.

– Чисто теоретически я бы выбрала Брэда Пита. Или Лео ДиКаприо. Еще не определилась, – я фыркнула и тоже захихикала.

– Фу-у, они же старые! – Лиза смеялась в голос, – Мне больше нравится Лиам Хэмсворт, он такой лапочка в фильме...

– Хэй, девчат, о чем разговор? – голос раздавшийся справа заставил нас с Лизаветой вздрогнуть, – Ев, приветы! Ну что, как жизнь?

Роман плюхнулся на свободный стул, обдавая нас самой милой улыбкой, продемонстрировав идеально ровные белые зубы, контрастирующие с его пухлыми розовыми губами. Модная прическа, дерзко расстегнутая на верхние пуговицы рубашка, пиджак в закатанными рукавами, и этот чуть прищуренный взгляд...

Я застыла, подавившись словами и старательно скрывая напряжение за натянутой улыбкой. Ну все. Сейчас скажет, что кино не будет. А я даже помечтать о свидании не успела...

- Привет, Ром, - Лиза подскочила со стула, - Ев, я пойду в класс. У меня там ... эээ... дела. Важные и неотложные.

- Угум, - это все, что удалось из себя выдавить.

Да что за ерунда такая?!

- Мне нужно поговорить с тобой насчет нашего...эээ...похода в кино, - Рома слегка коснулся моей руки своими тонкими длинными пальцами.

Ну, конечно. Как я и предполагала...

- Ты не сможешь сегодня? - голос безнадежно дрожал, - Ну что ж, в другой раз?

Я закусила нижнюю губу и даже попыталась улыбнуться. Одной «проблемой» меньше и тремя свободными часами больше. Во всем есть свои плюсы. Я оптимист. Оптимист по жизни. Стараюсь им быть.

- Да не! Все норм! Не парься! - Рома хохотнул, сжимая мою руку, - У меня это, запара небольшая. Предки попросили помочь там по делам. Подождешь возле киношки в скверике? Ок? Я как освобожусь, живенько примчу.

- О, - это предложение сбilo меня с толку и добавило еще больше дрожи в голос, - Хорошо. Ладно. Все ок.

- Если че, я наберу! Или маякну в ватсапе? Ок? Номер не меняла? - Рома опять предпринял попытку взять меня за руку, но это было для меня чересчур.

И так, половина столовой уже была занята обсуждением плотного общения изгоя и самого Романа Волкова. По этой причине я расправила плечи, спрятала руки под столом и постаралась расслабиться, чтобы не выглядеть уж совсем чокнутой.

- Нет, номер тот же.

Он что, реально собирается мне звонить? И у него сохранен мой номер?! Это что-то новенькое.

- Ну и супер! Тогда я...

- Эй, Ева! Привет! - въедливый заносчивый голосок обрушился на лавной обрушился на сознание. Колосова. Стервозная блондинка с завышенным самомнением, отравившая мою школьную жизнь ядом своего презрения. Только ее здесь не хватало.

За прошедшие полгода я уже успела отвыкнуть от ее надменного голоса и едких фразочек в мою сторону.

- Ты онемела? Эй! - она щелкнула перед моим носом наманикюренной лапкой.

- Лады, девчат! - Рома подскочил со стула. - У меня тренировка. Не скучайте!

- Слушаю тебя, - я стоически подняла взгляд и наткнулась на мину презрения на точеном личике одноклассницы.

- О! Есть контакт! Слышала, ты занимаешься английским с ребятами? Домашки всякие делаешь? - Марина мило улыбалась, провожая Рому взглядом. Ревнует? Волкова ко мне?! Да это уже не в какие рамки не вписывается...

- Больше не занимаюсь, - я коротко мотнула головой.

- Как жаль, - девушка вздохнула, - Я хотела нанять тебя репетитором моему братику. Сколько ты берешь?

Я молчала, сохраняя видимость спокойствия. Нужно просто не обращать на них внимания. Это всегда срабатывало.

– Марин, пошли отсюда, – из-за спины Колосовой вынырнула ее верная прилипала Вика Травкина. Ее я тоже тихо ненавидела, – Свинарка берет не деньгами!

Свинарка! Слово – пощечина.

– Вика! Следи за языком! – Маринка хмыкнула поморщившись.

– То есть Ева. Ева берет натурой, – Вика наиграно рассмеялась, – Идем отсюда. Ты же не хочешь, чтобы твой брат таскал в дом такую мерзость.

Последнее слово было произнесено с особым акцентом, а затем она наклонилась и зашипела сквозь зубы:

– Думаешь Волков на тебя внимание обратил, да? Ты чмо, уродка. Запомни, это раз и навсегда!

Я подскочила с места и кинулась к выходу из столовой. Вика с Маринкой разразились диким хохотом за моей спиной. Опять! Опять это началось! Стоило только привлечь внимание этих стервятниц, как они тут как тут. Им просто стало скучно! А я попала на глаза, да еще и в компании Ромы...

Внутри плескалось неприятное липкое чувство стыда и раздражения. Впервые мне хотелось найти внутренние силы, чтобы высказать Вике, что всем известно, каким путем ей достаются победы в олимпиадах, и почему именно Марина станет президентом школы. Но для них я никто, и звать меня никак. А все мои высказывания породят лишь большее количество унижений.

Мне остается лишь молчание.

Спустя полтора часа после окончания занятий, я, пританцовывала от холода возле афиши кинотеатра «Космос». Ледяной промозглый ветер пронизывал тонкое пальто, с неба летело нечто отдаленно напоминающее снег. Скорее, ледяной противный мерзкий дождик.

Взгляд устало изучал строчки ближайших сеансов, которые я, по-моему, уже успела выучить. Рома чертовски опаздывал. И я стояла здесь, как самая настоящая дура, только из-за его многочисленных извинительных сообщений в ватсапе.

Поэтому обойдя все ближайšie магазины по два раза, мне ничего не оставалось, как вернуться в исходное место и, дрожа как осенний лист на ветру, ожидать похода в кино.

Ну вот зачем мне все это надо? Для Ромы это просто ничего не значащее мероприятие под кодовым названием «Отвести ботаничку в кино, чтобы она и дальше делала домашки». Но я-то здесь зачем? На что надеюсь? На то, что у него внезапно проснутся «чувства» и этот поход перерастет в свидание?

Внутри что-то екнуло. Нет, мне нельзя больше заниматься всей этой ерундой! Сегодняшнее кино – ошибка.

Я втянула в себя воздух и медленно передвигая заледеневшими ногами двинулась к тротуару. Под ногами скрипел коричневый песок, разбросанный дворниками в ожидании зимы, которая никак не наступала.

Не смотря на мороз и первое декабря, снег не торопился полностью окутать наш город. Лишь кое-где можно было разглядеть остатки сугробов, превратившихся в коричневые глыбы изо льда. Небо покрывало серое одеяло из низких облаков, выбрасывающих на город липкую серую массу. По проезжей части бурлили грязевые потоки, никак не вписывавшиеся в атмосферу предновогоднего ожидания. В такую погоду единственным желанием было закутаться в плед и пить горячий чай.

В кармане тренькнул телефон, и я остановилась, выживая непослушными пальцами аппарат. Нужно сообщить Роме, что у меня появились дела, что я ухожу... Но стоило только взглянуть на экран, как сразу на меня обрушился поток чего-то холодного, липкого и грязного.

От неожиданности дыхание перехватило. Взгляд упал на грязные разводы на пальто. К горлу подкатил комок. Я рванула вперед, протискиваясь между многочисленными прохожими, спешащими по своим неотложным делам. Мир перед глазами расплывался от слез. Этот день не мог закончиться иначе! Ну вот зачем? Зачем я потащилась сюда?! Знала же, что это дурацкая идея!

Нет, блин! Захотелось в кино! С парнем! Да ни с кем-нибудь, а с Романом Волковым. Которому на меня наплевать с высокой колокольни. Только в кино серые мыши добиваются внимания мачо. А в жизни такие парни динамят таких как я! Черт! Взгляд уткнулся на экран телефона с открытым сообщением от Ромы «Уже еду».

Едет? Сюда? Я опять и опять перечитывала сообщение, пытаюсь понять, что же делать. Ох, Волков сейчас будет здесь и увидит меня в таком виде? Прямо сейчас надо бежать отсюда как можно скорее. Бежать от позора и усмешек. Я рванула вперед и...

Чуть не рухнула прямо на тротуар от сильного толчка в плечо. Я попыталась выровнять равновесие, размахивая руками и зацепилась за чью-то куртку.

– Эй! Ты совсем охренела! – злобно гаркнул над ухом звонкий девичий голос, я резко дернулась в сторону и... – Твою мать!!!

Раздался визг все той же дамочки. А следом девица, усиленно размахивая руками, рухнула на тротуар. Ее щедро разукрашенное косметикой лицо тут же исказилось от злости.

– Дура! – она рявкнула, пытаясь встать с тротуара.

Я бросилась на помощь.

– Прошу прощения, я не специально... – мой замороженный разум не смог придумать другого ответа.

– Кривоногая овца! Не специально она! – девушка бросила гневный взгляд в мою сторону, – Лучше бы вас, бомжей, переловили и отправили по приютам!

Бомжей? Я застыла на месте от такого сравнения.

- Вы не так поняли...

- Да иди ты к черту... - девушка фыркнула, - Вали отсюда! Вот черт!!!

Девушка судорожно водила руками по карманам джинс.

- Что-то случилось?

- Воровка!!! - незнакомка завопила на всю улицу и сделала рывок в мою сторону и вцепилась в мое плечо, - А ну возвращай мой телефон!!!

Что? Что за бред? Я протестующее замотала головой, пытаюсь одновременно руками очистить лицо от слез и грязи.

- Какой телефон? О чем вы говорите? Отпустите! - я попыталась вырваться из захвата.

Толпа вокруг расступилась. Прохожие бросали на меня взгляды полные презрения.

- Что здесь произошло? - за моей спиной раздался глухой мужской голос. А следом перед глазами появился полицейский - молодой высокий мужчина в форме. И его серьезный сосредоточенный взгляд явно не предвещал ничего хорошего. Для него я тоже была уличной воровкой, попрошайкой...

- Она! - бойко отозвалась брюнетка, - Она сначала налетела на меня! Сперла мой айфон и кошелек собиралась спереть! Точно!

- Это не правда! - я попыталась запротестовать.

- Да не хотела я ничего воровать! - хотелось прекратить этот абсурд как можно скорее. Другим словом происходящее назвать язык не поворачивался.

– А это мы в отделении разберемся! – грозно заявил полицейский, – Родители есть? Или из приюта сбежала и теперь живешь за счет наворованного? Документы при себе имеются?

Документы? Я судорожно принялась обхлопывать карманы, конечно же, не обнаружив там ничего. Паспорт лежал дома, в шкафу, в безопасности от потерь.

– Паспорта нет, но есть дневник, там тоже фото... Да все не так было!

– Вот! Поймали-таки воровку! – загундел новый голос откуда-то из толпы, – Она у меня неделю назад телефон сперла! На этом же самом месте!

– Так то, вроде пацан был! – возразил гнусавый голос.

– Да не, она, точно она! – завопил первый голос, – Или пацан! Одна у них шайка!

– Вот что, – заявил мент, беря меня под руку. – В отделении разберемся.

– Уж разберитесь, пожалуйста! – залюбезничала дамочка, – А то по улицам страшно ходить из-за таких!

– Что за шум, а др-раки нет? – закричал из толпы до боли знакомый пьяный голос, – Ева?!

Глаза папаши немигающее уставились сначала на меня, а потом на полицейского.

– Твой напарник? – хмуро поинтересовался мужчина.

Во-от черт! Только папаши здесь не хватало! Я дёрнулась в сторону, что было воспринято как попытка к бегству.

– Всем стоя-ять! – скомандовал мент, – Кто вы, мужчина? Вор? Пьяница? Мошенник?

– Что вы себе поз-воля-яете? – отец подошел ближе, – Что вам н-надо от моей доч-чери?!

– Все ясно! – полицейский попятился, выхватывая свободной рукой рацию, – Подкрепление к кинотеатру! А ты, – мужчина ткнул в папашу, – Стой на месте!

– А ну убр-рал руки от моего ангела! – папаша рванулся на мента, видимо почуяв, что мне что-то угрожает.

Отовсюду понеслись вздохи и ахи, кто-то даже вскрикнул в тот момент, когда папаша со всего размаха заехал менту по лицу. Мужчина, не ожидавший такой прыти от алкоголика, на секунду остолбенел, дав возможность мне вывернуться из захвата. Бежать! Срочно бежать домой!!!

Я рванула вперед, сопровождаемая криками толпы.

– Маленькая воровка сбегает!

– Держите ее!

Отец завопил за спиной. Я резко развернулась. И как раз в этот момент мент с остервенением закручивал руки моего непутевого папаши за спиной. Сверкнули браслеты наручников. Папаша продолжал орать что-то маловразумительное.

Сердце бешено колотило о грудную клетку. Черт! Что делать?! Как остановить этот театр абсурда?!

– Пойдите! – мой сорвался на крик, – Отпустите его. Он не хотел...

– Маленькая нахалка! – мент вновь обратил на меня внимание, – Стой, где стоишь, если не хочешь еще больших неприятностей!

Я бросилась прочь, чудом сохраняя способность передвигаться. Глаза застилала слезы. В спину летели ругательства и крики. Но я бежала. Прочь от позора, от унижения. Прочь от этой обезумевшей толпы в глазах которой я – воровка с отцом алкоголиком, которого хотят забрать в отделение за разбой.

Мокрая одежда липла к телу. Дыхание сбилось. Ледяной ветер обжигал обветренную кожу, но я не останавливалась.

Судьба с самого начала была против моего похода в кино! Так на кой черт меня понесло сюда?! Сама виновата... На что мне можно вообще надеяться?

– Ева, стой! – до меня донесся знакомый голос, а следом на плечи легли чьи-то руки.

Я развернулась и тут же уткнулась носом в хорошо знакомую куртку. Рома. Он все-таки решил прийти. И теперь я стояла перед ним грязная, замерзшая и заплаканная.

– Извини, – Холод пробрался в каждый сантиметр моего тела, и от этого голос дрожал, – Я спешу.

– Хэй! Ты чего? – Рома подхватил меня за руку и потащил вперед, – Чего случилось-то? Пойдем! У меня там тачка, доедем до кафехи...

– Нет, – я отпрянула, выхватывая свою руку, – Нет! Мне нужно срочно бежать...

Какой позор!

– Я пришел, а ты меня кидаешь, да? – на его лице отобразилось удивление.

– Нет. Извини, я правда...

Закончить фразу мне не удалось. Черная тень резко метнулась в нашу сторону, и в следующее мгновение Рому отбросило от меня на метр, прямо на тротуар.

Из горла вырвался вопль. Сердце подскочило в груди.

– Не надоело вам издеваться над девчонкой?! – закричала тень знакомым голосом, – Что, совести совсем нету? Продал в обмен на новый айфон?!

– Да пошел ты...!!!

Одиночка. Это был... Одиночка?! Я бросилась к парням.

- Стой! - вцепилась в Лешино плечо, привлекая внимание, - Что ты делаешь?! Прекрати!

Одиночка обернулся, оттолкнув Рому в сторону.

- Ева, иди домой, - Леша заговорил спокойно, но напряженно, - Чего вы еще от нее хотите? Мало вам?

Что?! Что происходит?

- Шизанулся пацан! - Рома стиснув зубы дернулся на него.

- Стой! - я бросилась к Роме, державшемуся за подбитую скулу, и принялась отряхивать его куртку от грязи. Парень казался, был удивлен и сбит с толку, - Прекратите! Дорошенко, какого черта ты здесь делаешь?

- Ева, лучше тебе знать всего. - Леша приблизился ко мне и оттянул меня за руку от Ромы.

- Чего не знать?! - я яростно оттолкнула одноклассника, - Того, что ты псих?!

- Того, что он - лживый урод! - Леша уперся взглядом в Романа.

- Вали отсюда, псих! - Рома рявкнул.

- И о чем же Рома врал? Говори! - мой голос сорвался на крик.

- Сама смотри! - Леша ткнул в экран своего гаджета, и оттуда послышалась музыка.

- Не смей...! - Рома попытался вырвать планшетник, но Алексей кинул его мне в руки, а сам резко толкнул Романа в сторону.

И в этот момент под идиотскую попсовую мелодию на экране замелькали фото и видео с моим участием. Вот – я танцую глупый победный танец после контрольной по алгебре. Дурацкий момент. Дальше повтор-перемотка того момента, как я рву старые трико на физкультуре. В горле появился противный комок, а руки задрожали от подступающих рыданий. Следующее видео – меня обдаёт гоночная тачка из лужи. И снова повтор-перемотка, и снова мою фигурку накрывает волной липкой грязи из лужи. Потом сцена с полицейским, разборки... Последнее, что успел зацепить взгляд надпись под видео «Колос продакшн by Волков энд Ко».

– Весело вышло, да? – Рома заржал в своей обыкновенной манере.

Нет. Не правда. Не может быть... Пальцы выпустили планшет, но Леша с готовностью его подхватил. Испорченное пальто, столкновение с девушкой, полиция... Это все было задумано ради хохмы. Ради «смешного» видео...

– Ты, мразь... – Одиночка бросился на Волкова, но мне было не до этого.

Сердце бешено колотило об ребра. Дышать стало невозможно. Из последних сил я рванула вперед. Ноги несли меня неведомо куда, в то время как голова просто отказывалась работать, а перед глазами не видно было ничего кроме пелены из слез.

– Тебе не место среди нас, уродка! – долетел до меня голос Романа.

«Уродка, уродка, уродка...» – билось в голове. Я бежала вперед, бежала подальше от позора, от гнусности и от лицемерия этого мерзавца, который каким-то невиданным мне образом смог обмануть мою интуицию.

Как? Как такое могло произойти со мной?! Как можно было так ошибаться в человеке? Имея искреннее желание помочь, я нарвалась на издевку и предательство. А всего-то лишь потому, что поверила, что могу быть счастлива, что моя школа не так плоха, как казалась поначалу, что в мире богатых и знаменитых найдется местечко с краю и для меня. Но все это было лишь иллюзией, самообманом. Будь я умнее, все могло бы быть по-другому. Если бы я не проявила желания помочь, если бы я не была такой наивной, если бы моя голова работала лишь холодно и расчетливо... Если бы, если бы, если бы...

Все началось в первом классе, все издевательства и насмешки. В ноябре, когда маленькие мозги Марины Колосовой и ее подружек сложили все факты обо мне воедино, эти мегеры начали придумывать шутки посмешнее для того, чтобы указать мне мое место. Я ненавидела вспоминать то, с чего все началось. На моей памяти это был худший день моего тогда еще в меру беззаботного детства. Но именно сейчас мозг услужливо подсовывал только это воспоминание.

В первом классе до двадцать третьего ноября я любила свою школу, мне нравились одноклассники и тогда мне, ребенку, не было видно никакой дифференциации между мной и другими ребятами. Все мы, девочки, носили одинаковую форму, участвовали в школьных шалостях и, конечно же, воевали с мальчишками. С первого дня знакомства Марина Колосова казалась мне идеалом, самой красивой девчонкой, достойной того, чтобы брать с нее пример. Страшно признаться, но мы дружили.

Двадцать третьего ноября я, как всегда, встретила Марину на первом этаже школы, и мы поздоровались, традиционно обняв друг друга и трижды хлопнув в ладоши. В моем детстве было модно придумывать приветствия, тайные знаки как символ проявления дружбы. Странно, что в тот момент я не почувствовала того, что мне на школьную форму пролилось отвратительное нечто.

Войдя в класс, я сразу ощутила запах, от которого засвербело в носу. И это почувствовала не только я. Все стали принюхиваться и корчить рожи в знак того, что никто не хочет заниматься в классе в такой вонючей атмосфере. Наша классная руководительница Антонина Геннадьевна сразу поняла, какое химическое вещество выделяет такой запах и, строго сдвинув брови, поинтересовалась:

- Кто принес с собой дихлофос? Вы думаете это смешно?

Все начали переглядываться и хихикать. Таинственное слово «дихлофос» было знакомо далеко не всем, и многие восприняли это как ругательство.

- Вы в курсе, что так можно отравиться? - классный руководитель открыл все окна, - Мне что, вынюхивать причину запаха?

- Антонина Геннадьевна, - Марина, как всегда, встряла в разговор с преподавателем, - По-моему, так воняло у хрюшек в зоопарке.

Эта реплика вызвала еще более громкие смешки.

- Не говори глупостей, Марина, - Антонина Геннадьевна, внимательно принохиваясь, не спеша пошла вдоль рядов, - Сейчас же прекратите вести себя неподобающе юным дарованиям! И...Ева!

Фигура учительницы возвышалась надо мной. В тот момент мне показалось, что классная руководительница стала просто огромных размеров, а я, наоборот, превратилась в дюймовочку и вжала голову в плечи, чтобы стать еще меньше и незаметнее. Антонина Геннадьевна наклонилась еще ближе и зашептала:

- Ева, скажи, твоя мама недавно травила тараканов? - при слове «тараканы» преподавательница поморщилась.

- Д-да, - пробормотала я, не понимая, куда клонит эта женщина.

- Что ж, - учитель выпрямилась, - Мне все ясно. Ева, покинь, пожалуйста, класс. А я сейчас свяжусь с твоей матерью. Тебе нужно сменить форму.

Я встала, не совсем осознавая, что произошло и при чем тут тараканы, но просьбу учительницы выполнила и, собрав свои скромные пожитки, направилась к двери, провожаемая гулким шушуканьем одноклассников. На выходе меня настигла фраза, которая преследует мой разум по сей день.

- ...А что вы хотели, - громкий ехидный голос Марины не прятался даже за шепотом, - Ева свинарка и живет в свинарнике. Травит тараканов, а мы должны страдать! Мои родители буду разбираться...

С того дня желающие со мной общаться сократились до одного человека - Елизаветы, которая единственная увидела всю нелепость ситуации и сочувственно таскала мне духи из дома, потому что как выяснилось дихлофос оказалось не так просто отстирать, а школьная форма у меня была одна единственная, доставшаяся по наследству от дочери маминой знакомой.

После двух дней бойкота и издевок, я пришла домой и впервые в жизни умоляла маму перевести меня в другую школу. И впервые я увидела на глазах у матери слезы. Будто мои слова ранили ее в самое сердце.

Дальше были разборки с завучем, с классной руководительницей... Мама яростно отстаивала мои интересы и хотела наказать виновных в этом идиотском розыгрыше. А я молчала о своих догадках. Продолжала посещать занятия. Хотелось быть сильной в глазах матери. Хотелось больше никогда не видеть ее слезы.

И меня оставили в том же классе. Я старалась! Правда! Из всех сил старалась быть сильной. Я исправно посещала все занятия, и даже записывалась на факультативы, стоически воспринимая все шутки и подколки, в надежде, что когда-нибудь одноклассникам все же надоест меня гнобить. И действительно, бывали дни, когда мне жилось спокойно. Например, когда учительница по биологии, которую вся школа на дух не переносила, сломала ногу из-за подножки одного из ребят нашего класса, или когда девчонок поймали за курением на территории школы... В общем, когда находились темы для разговоров поинтереснее, чем издевательства надо мной.

Но то, что произошло сегодня, стало для меня чертой, через которую я не могла переступить. Мне не место в их обществе. Они – короли по жизни, а я – ничтожество, на чувства которого вполне можно наплевать.

– Не хочу больше так жить! Не хочу! – я закричала сипящим голосом, прислонившись к стене одного из ближайших зданий.

Нужно жить с меркантильным расчетом, переступая через чужие чувства и жизни ради собственных интересов. А я так и останусь никому не нужным изгоем. Наивной дурой, предметом для издевок.

– Ненавижу, ненавижу, ненавижу, – только это слово крутилось у меня на языке сопровождаемое потоком из слез, – Ненавижу свою жизнь!

Глава 3

В момент, когда я выпала из состояния близкого к истерике, первое, что я ощутила, был нестерпимый холод. Глаза жгло от слез, а легким катастрофически не хватало кислорода. Все эти реальные ощущение на время

вытеснили любые другие мысли из моей головы. Единственным желанием для меня стало добраться до дома как можно скорее.

Кое-как сориентировавшись в пространстве, я поняла, что ноги по привычке несли меня к дому, но немного ошиблись с направлением и теперь придется идти по незнакомой и плохо освещённой дороге. Но вряд ли на меня сейчас кто-то способен был напасть: бомжи бы приняли меня за свою, еще и предложили бы ночлег, а уличным хулиганам одного моего вида стало бы достаточно для того, чтобы понять, что брать у меня нечего.

Пройдя больше половины пути, я заметила, что все пространство вокруг превратилось в одну сплошную белую массу. И сначала я решила, что ослепла от слез. Но вскоре стало понятно, что это небо обрушилось на меня сверху в виде первого за эту зиму снегопада.

Крупные снежинки заполняли собой все пространство, неспешно кружась в необычном танце, и заканчивали свое небесное путешествие, покрывая всю грязь и слякоть вокруг. Каждая белая красавица была уникальна и своей формой, и своим танцем. Я заморожено, как маленькие дети, следила за этой зимней сказкой вокруг. Казалось, снег не только скрывает от глаз все мрачное и неприглядное, но и приносит ожидание чего-то нового, заполняя собой образовавшуюся внутри пустоту от предательства. Очень хотелось поверить в зимнее чудо, в то, что снег заметет всю ту боль, что накопилась внутри за школьные годы.

Но это маленькое забвение не могло продолжаться бесконечно. Снежинки таяли, соприкасаясь с теплой кожей, оставляя после себя капли холодной воды. Я ускорила темп ходьбы. Везде одно сплошное предательство! Даже снег, околдовав меня своей красотой, принес за собой лишь холод и разочарование.

– Ева! – сначала я решила, что мне это послышалось, но затем знакомый голос настойчивее закричал, – ЕВА!

Я не останавливалась.

– Постой, – голос раздался совсем близко и мгновение спустя передо мной стоял Леша.

– А, эт ты, – фраза получилась сиплой и очень тихой.

– Ева, ты в порядке? – Леша шел рядом, старательно пытаюсь разглядеть мое лицо.

– Зачем ты здесь? – мне не хотелось отвечать на такой глупый вопрос.

– Я... я хотел извиниться. За все. За то, что так вышло. За выходку ребят. Прости, пожалуйста! – Леша тоже понизил голос, в котором читалось искреннее сожаление.

– Хорошо, это все? – перед глазами уже замаячил родной подъезд.

– Нет... Можно тебя проводить? – Одиночка видимо не был уверен, что я приняла извинения.

– Считаю, что уже проводил, – я подошла к ступенькам, роясь в кармане замерзшими ледяными пальцами в поисках ключей от домофона.

Леша хвостом шел следом за мной. В молчании я, наконец, выудила ключи, открыла дверь и как можно быстрее постаралась подняться на второй этаж поближе к подъездной батарее. Но и настырный одноклассник не отставал.

– Чего тебе еще нужно? – вышло грубо.

– Почему ты не идешь домой? – Леша казалось не заметил моего вопроса.

– А может, у меня нет дома? – ни с того ни с сего я вспылила, – Может я и вправду бомж? Какое тебе дело?!

– Мне есть дело. Послушай...

– Леш, прошу не надо, ладно? – внезапно мне захотелось высказать все, что накопело этому почти незнакомому человеку, – Все вокруг прекрасно знали о предстоящем зрелище, как и всегда, впрочем. Где все были? Где ты был, когда мою голую задницу снимали на уроке физкультуры?! Там же где и все! В безразличии! Всем пофиг! И мне теперь пофиг!

- Ева, - Одиночка подхватил мою руку, - Я не знал. Прости.

- Ладно, - я решительно отстранилась и, двинулась вверх по лестнице.

- Правда. Прости! Я заставлю этих придурков раскаяться, - его голос глухо зазвучал за спиной.

Я вздрогнула.

- Иди домой, Одиночка. Всем на всё глубоко наплевать. Мне плевать. Будет лучше если и тебе будет пофиг.

- Не будет. И мне не плевать, правда. Они на тебя набросились потому, что ты сама это разрешаешь! Но так же нельзя! Нужно поставить этих придурков на место.

- Это все - бред! Я уродка. Этого не изменить. - я побежала наверх быстрее, но мой спутник так и остался возле батарей.

И стоило мне только переступить порог квартиры, как до меня тут же донесся голос матери. Она металась по кухне и гремела кастрюлями.

- Ева! Наконец-то ты дома! Я уже начала волноваться! Отец опять явился к нам. На этот раз в наручниках! Уверял меня, что спас тебя от «ментов поганых»! Давно пора этого алкоголика запихнуть на промывку мозгов, иначе...

- Мама, это правда, - я больше не могла выдерживать мамины причитания, - Мам!

- Что правда? - мать остановилась и наконец, выглянула в коридор. Ее глаза округлились, а брови сошлись на переносице. Такой взгляд у нее бывал только в случаях крайней встревоженности, - Господи! Ева, солнышко! Что с тобой случилось?!

Мои непослушные руки, наконец, справились с испорченным пальто, теперь настала очередь сапог. Но тут меня ждала неудача, ноги отказывались

подниматься, и я бессильно рухнула на табуретку, одиноко стоящую в коридоре на том самом месте, где утром были разбросаны осколки зеркала. Наверное, правду говорят, разбилось зеркало – жди беды... Мать, видя мое состояние, бросилась ко мне и быстро помогла разобраться с обувью.

– О господи, Евушка! Ты вся ледяная! Где ты была все это время? Я подумала, что ты занимаешься с Лизой... – мама внимательно вглядывалась в мое лицо, пытаюсь там прочесть ответы на все свои вопросы, – Красные глаза, опухший нос... И еще эта история с полицией... Почему ты молчишь?!

Руки матери легонько встряхнули мое тело, отчего где-то внутри будто что-то содрогнулось. А затем кашель накрыл меня с головой. Воздух будто резко закончился, и все что я могла делать – это безостановочно кашлять, безмолвно глотая воздух. Приступ прекратился так же внезапно как начался, оставив после себя хрипы и сипение в голосе.

– Мам, – я зашептала, – Не сейчас. Я так устала...

– Да, да... – в голосе самого родного мне человека слышалась паника, – Конечно... Я наберу тебе горячую ванну, ты согреешься... Поспишь, отдохнешь... Девочка моя хорошая...

Мама бормотала что-то еще, но ее слова мой слух отчего-то отказывался воспринимать. Здесь, дома, в безопасности и тепле на меня вдруг навалилась вселенская усталость. Все силы, заставлявшие меня добраться домой, разом закончились, будто кран моей внутренней энергии просто перекрыли.

Вода в ванной приняла мое тело жадно и грубо, сразу наполнив обледеневшее тело звенящей болью. Мне казалось, что я попала в огненное жерло вулкана, заставившее проснуться разом все мои чувственные рецепторы. От этого изнутри вырвался слабый всхлип, но выбраться из воды мне мешало отсутствие сил и нежелание двигаться, потому как это приносило все новые волны боли.

Момент, в который мое тело очутилось в кровати, я упустила. Просто появилось уютное тепло и знакомый запах родной подушки. Периодически надо мной мелькало мамино лицо с беззвучно открывающимися губами. Очень хотелось сказать, что все хорошо, я выплыву и все смогу объяснить. Но стоило мне предпринять попытку заговорить, как новая волна кашля обрушилась на мои

горло и легкие. Все прекратилось в тот момент, когда у меня застучали зубы. От холода. И этот холод был ни с чем несравним. Я чувствовала, что дрожу, дрожу и падаю в бездну изо льда. Лед был везде, отчего постепенно занемели руки и ноги, а затем в мое бедро вонзилась чрезвычайно острая льдинка, и спустя мгновение сознание провалилось в бездну.

*

– ... и почему она все еще без сознания? – на мой слух внезапно обрушился голос матери, наполненный истерическими нотками. Сколько я была без сознания? Час? Два?

– Людмила Андреевна, – тихий и мягкий незнакомый голос отвечал матери спокойно, – Поводов для беспокойства нет. Ваша дочь идет на поправку, температура спала. Более того, она уже не заразна.

Я слышала каждое слово, но слабые попытки заговорить почему-то не увенчались успехом.

– Но почему она все еще не пришла в сознание?! Что с ней? – мама не собиралась успокаиваться.

– Я же говорил вам, сегментарная односторонняя пневмония, обморожение конечностей легкой степени. Ее жизни ничего не угрожает. Другое дело, что я не совсем уверен в здоровье ее психо-эмоционального состояния...

– И что это значит?!

– Это значит, что возможно она просто не хочет просыпаться...

Что?! Хочу! Где я вообще? Кто этот умник? Мое дыхание участилось от возмущения, что сразу же вызвало реакцию глубоко внутри. Хрипы сдавили горло, заставив слабое тело содрогнуться в приступе ужасного кашля. Я ощутила на себе знакомые теплые руки, но схватиться за них было выше моих сил. Да и быть в сознании было выше моих сил, поэтому ощущение реальности покинуло меня с той же быстротой, что и выключается лампочка.

– ...столько всего произошло, ты обязательно должна очнуться, – теперь уже громкий шепот Лизы пробил стену моего бессознательного состояния.

– Ева, а помнишь, как меня тоже положили в больницу...

Я что, в больнице?

– ...Ты тогда все время была рядом, теперь вот я на твоём месте... Я тоже делаю за тебя домашку, только... – подруга нервно хихикнула, – не обижайся потом за трояки, хорошо? А ещё Волков, ну то есть придурок, официально извинялся... И Марина...

При упоминании этих имен моего горло непроизвольно сжалось, а дыхание опять участилось. Это не осталось незамеченным.

– Лиза, – тихий голос Одиночки остановил сбивчивый рассказ подруги, – Не надо. Ей нужно спокойствие.

Откуда здесь взялся одиночка?

И... он был прав. Мне не хотелось вспоминать. Вспоминать значило опять испытать боль. А к этому мои неокрепшие разум и тело пока ещё не были готовы. Пока.

– Думаешь... – Лиза всхлипнула, моя любимая жизнерадостная подруга всхлипнула! – Думаешь, она нас слышит?

– Конечно, слышит. Просто, она пока не готова выбраться из своего кокона, – Леша говорил так, будто знал все, что творится в моей голове.

– Из кокона? – тон подруги был полон непонимания.

– Из кокона безопасности. Она очнется, когда разберется в себе.

– Она очнется, когда выздоровеет, – гневно возразила Лиза, – Ты точно чеканутый, Одиночка.

– Может и чеканутый, – Леша усмехнулся в несвойственной ему манере, – Зато я прав. Ева очнется, когда мир внутри нее перевернется...

Чем закончилась эта беседа, мне было не суждено узнать, поскольку мой внутренний выключатель вновь погасил огни моего сознания, и я вновь очутилась в темноте. В коконе безопасности. В месте, где мне было хорошо, тепло и комфортно.

– ...Евушка, ангел мой, – на этот раз мою внутреннюю лампочку включил голос отца. Я уже успела забыть такой его голос – теплый, заботливый, любящий и... трезвый.

– Прости меня, прости за все... Ты, наверное, не догадываешься, но во всем виноват только я. Если бы не я, жили б мы сейчас на берегу черного моря, гуляли бы в парке, как самая настоящая семья. И твой папка бы никогда не позволил издеваться над своей девочкой, над своим ангелом! – голос отца задрожал может от возмущения, а может от слез, – Но ничего, теперь все будет по-другому! Ох, доберусь я до этих чертей проклятых!

Монолог отца прервал шум открывающейся, ужасно скрипучей двери.

– Володя? – удивленный голос матери отозвался эхом в моей голове, – Ты-то что тут делаешь?

Мама явно была недовольна присутствием отца.

– Ева и моя дочь тоже, – папа напомнил этот факт возмущенным тоном, – Она тут...два дня, а я узнаю об этом только сейчас! Я же отец...!

Два дня? Нет, не может быть... Я тут всего пару часов... Не может быть!

– А ты только что об этом вспомнил?! – мама сначала закричала, но затем понизила голос до гневного шепота, – Где ты был, когда...впрочем, мы оба знаем где ты был! Выйди! Дай мне пообщаться с моей девочкой!

– Нет! – папа сильно сжал мою ладонь своей теплой сухой большущей ручищей, – Хочешь поругаться? Пожалуйста! Только не здесь...

И вот опять я ощутила, что свет внутри меня вот-вот погаснет. Но я отчаянно не хотела пропускать этот момент. Момент, когда папа и мама вместе, пусть и ругаются, но все же сидят вместе в одной комнате. Почти как семья, пусть и свела судьба нас всех здесь не по самому приятному поводу. Зато они рядом, беспокоятся обо мне, вместе пытаются вытащить из «кокона безопасности» в реальность. Вместе. Как семья.

Мне всегда было интересно, каково это, жить в полной семье? Что при этом меняется? Мои детские воспоминания о семейных походах в парк и сладкой вате не помогали мне ответить на этот вопрос. Я была слишком мала, чтобы помнить сейчас что-то о настоящей семье.

Что было бы, если бы тогда, двенадцать лет назад, все сложилось бы по-иному и отец с матерью были бы вместе? Лежала бы я сейчас в больнице с душевной болью и воспалением легких? Или в той, другой реальности я бы возможно была как все – девочкой из благополучной семьи, которая способна за себя постоять и за которую есть кому заступиться?

Ох уж это сладкое словосочетание «если бы». Если бы только можно было все изменить...

Глава 4

На этот раз мое пробуждение не было связано с голосами вокруг. Я просто открыла глаза и уставилась в потолок, ощущая себя здоровой, сильной и отдохнувшей. Неяркий свет вокруг не давал мне с точностью описать помещение, в котором я находилась, но одно я знала точно – потолок в этой комнате явно не был мне знаком. А это означало, что я все еще нахожусь в больнице.

Стараясь не делать резких движений, помня, к каким взрывам кашля это приводило раньше, я осторожно села на кровати и первое, что мне попало на глаза – плакат известной поп-группы. Я с удивлением принялась осматривать остальные предметы комнаты и из увиденного сделала вывод, что все же нахожусь я уже не в больнице. Потому что лежала я на широкой двуспальной кровати с кованой спинкой и двумя тумбочками со светильниками в виде

красных сердец, около одной из стен уместился огромный белоснежный шкаф из которого торчали чьи-то вещи, в комнате так же присутствовал порядком захламленный письменный стол с ноутбуком и белый комод с расставленными на нем фотографиями.

Мне стало любопытно, что это за фотографии и чья это вообще комната, поэтому я, надеясь, что поступаю не слишком своевольно, включила один из ночников и направилась по пушистому розовому ковру к комоду. Эта комната явно принадлежала не слишком опрятной девочке-подростку, которая уж очень любила сочетание белого и розового. Эти цвета присутствовали здесь практически везде, немного раздражая мои глаза.

С фотографий на комоду на меня смотрела... я. Длинноволосая блондинка в стильной одежде, улыбающаяся во все тридцать два зуба. И это совершенно точно была я! Перевела взгляд на другое фото и чуть не рухнула на пол. Со второго изображения мне улыбалось счастливое семейство. Мое семейство! Мать, отец и я!

Это что, чья-то очередная злая шутка?! Явный фотомонтаж, потому что мои волосы никогда не были настолько белыми, мать никогда так ярко не красилась, а отец в жизни был на двадцать килограммов худее. Эти шутники решили в очередной раз надо мной поиздеваться? Ну уж нет...

- Ева! - голос мамы прервал мои размышления, - Ты уже встала?

Мама! Слава богу! Сейчас она все мне объяснит! Я выбежала из комнаты, очутившись в просторном коридоре, по всему периметру которого возвышались стеллажи с книгами. Я опять замерла. Черт возьми, куда я попала?

- Ма-ам! Мам, где это мы? - мой голос совсем не был осипшим, наоборот он оказался громким и сильным. Но мама явно меня не расслышала из-за звука телевизора где-то в глубине квартиры и чего-то шипящего на плите. Поэтому я повторила свой крик, - Ма-ам!

- Что? - мать наконец ответила, - Ева, что ты там бормочешь? Иди в ванную, нам сейчас некогда болтать! Ты про больницу, надеюсь, помнишь?

Вот. Больница. Про нее я помню. Значит, меня перевезли сюда ненадолго, неизвестно в каких целях, и сейчас мы вернемся в больницу. Хотя, стоп! Точно! Меня привезли сюда для того, чтобы я помылась. Более идиотского ответа на все мои вопросы у меня не было.

Ванная комната, находившаяся как раз напротив розовой спальни, оказалась огромным помещением, заполненным всевозможными агрегатами с гидромассажем, биде и прочими непонятными штуковинами. Все сияло так, будто час назад кто-то провел здесь генеральную уборку.

Выбравшись из душа, я нашла на полке под раковиной розовое махровое полотенце и халат из той же ткани. Просушив волосы полотенцем и накинув халат, я решила, что неплохо было бы почистить зубы. Или хотя бы прополоскать рот с зубной пастой. Поэтому я подошла к раковине, набрала в рот воды и решила все же взглянуть на себя после болезни в большое, но запотевшее зеркало. Вытерев влагу полотенцем, я, наконец, уставилась на себя и... завопила.

- А-а-а! Ма-а-ам!

Из стекла на меня смотрела девушка, с белыми, как снег, волосами, черными, явно крашеными бровями и... с пирсингом в носу! Что. Все. Это. Значит?!

- Ева, - сзади открылась дверь, мама пришла, наконец, на помощь, - Зачем так орать? Ты что, опять что-то разбила?

- Мама, волосы! - я все еще пялилась на отражение, а оно пялилось на меня, - И сережка! Откуда?

- Упала, когда из ванной выбиралась? - мама хмыкнула, - Волосы ты перекрасила три года назад, а сережку вставила, кажется, в прошлом июне, но я не уверена. Да что с тобой?

Мать развернула меня к себе и прищурено смотрела на мое испуганное лицо. И при взгляде на маму мое удивление достигло вселенских масштабов. Когда-то длинные каштановые волосы матери теперь были подстрижены явно умелыми руками мастера под каре и уложены по последней моде, ее макияж казался неестественным и непривычным для меня, но больше всего меня поразила

фигура. Моя любимая мама была беременна.

- Земля вызывает Еву! - мама легонько меня встряхнула, - Да что с тобой?

- Но как... - у меня просто закончились слова, - Как это случилось?

Я что, провела в коме десять лет и теперь упустила что-то важное?

- Тебе объяснить, откуда дети берутся? - мама хмыкнула, - Ева, ей богу, прекрати дурачиться. Мне не до шуток.

- Но... - я все еще мямлила, - больница...

- Я рада, что твоя амнезия прошла, и ты помнишь про больницу, - мама отошла от меня, - Я завезу тебя в школу и поеду на УЗИ. Поэтому собирайся быстрее, позавтракаешь в школе.

И мама направила меня напрямиком в розово-белую комнату, явно не собираясь мне что-либо объяснять. На автомате я все же дошла до этой спальни и даже шмыгнула за дверь, пытаюсь понять, что значит все происходящее.

То, что это был не розыгрыш, мне стало понятно с того самого момента, как я увидела беременную маму. И вариант с комой и десятилетним сном сразу отпадает. Мама реагировала на меня так, будто мы виделись вчера вечером.

А что было вчера вечером? Я напряглась. Последнее, что я помню - разговоры родителей в больнице. А до этого была боль. Я явственно представила события того дня, который оставил глубокий шрам в моей душе. Но видимо все это было когда-то давно, или где-то не здесь. И явно не со мной. Может, это было сном? Или наоборот, я сейчас сплю?

Но щипания запястий не привели ни к какому результату. Я так и осталась стоять в розовом халате посреди розовой комнаты, совершенно не представляя, что мне делать дальше.

- Е-ева! Я не слышу фена! - мне напоминали о том, что нужно поторопиться. Времени задумываться о том, что происходит, не было абсолютно.

Фен, тоже, кстати, розовый, оказался в верхнем ящике комода среди другого парикмахерского барахла: щипцов для выпрямления кудрей, плойки для завивки локонов, бигудей и прочих девчачьих штучек. Даже расчесок здесь было штук пятнадцать,

Высушив свои блондинистые волосы и вытащив дурацкую сережку из носа, я направилась к шкафу. Здесь царил такой же беспорядок, как и везде. Неужели здесь жила я? Это была какая-то другая я со странными наклонностями. Среди огромной кучи вещей, заполнявшей все пространство шкафа, где что-то валялось, что-то висело в хаотичном порядке, я все же нашла глазами школьную форму. И не одну, а целых три синих новеньких комплекта.

- Ева, - мама уже стояла за дверью, - Ты скоро?

Я быстренько влезла в форму и провела пару раз расческой по многострадальным от краски волосам. Порыскав еще пару мгновений по комнате, я обнаружила несколько сумок. Обследовав каждую, я взяла с собой ту, в которой обнаружился дневник успеваемости и пара учебников. Итак, похоже, предстоит непростой день, который надеюсь, откроет мне глаза, на то, что, собственно говоря, произошло.

- Ну, наконец-то, - мама встретила меня в прихожей с невозмутимым выражением лица, - Вот, твой низкокалорийный завтрак в школу, - она потрясла пакетом, - И, подожди, ты в форме? Не ты ли неделю назад возглавляла акцию противников школьной формы? Ты так настойчиво всех уверяла в ненужности этого атрибута...

Низкокалорийный завтрак и протест против школьной формы. Так, мы с Колосовой что, поменялись жизнями?

- Эээ... деловой стиль в одежде помогает сосредоточиться и не отвлекаться на яркую одежду, и все такое... - я забормотала первый пришедший в голову аргумент в пользу школьной формы.

- Хм, странная ты сегодня. Ладно, нам некогда. Живей, одевайся!

Шкаф в прихожей, больше походивший на небольшую гардеробную комнату, спрятанную за большими дверьми-зеркалами, был полон всевозможных курток, дубленок и шуб. Зачем нам столько одежды? Здесь что кроме нас еще живут человек двадцать? Я потянулась к розовому пуховику, предполагая, что эта вещь может принадлежать только мне.

- Нет-нет-нет, - мама меня остановила, - Надень шубу. Ты же ее выпрашивала целый год!

Что?! Что я слышу... Но спорить не было никакого желания. И вот на мне уже было надето белоснежное меховое манто из норки, дополненное белыми сапогами на небольшой платформе. Надеюсь, в сменной обуви у меня не окажутся белые тапочки...

На улице мы оказались быстрее, чем я могла себе представить. Потому как нам нужно было преодолеть лишь двойную дверь и пару ступенек, ведущих на огороженную приусадебную территорию. Мы жили в своем отдельном двухэтажном доме из коричневого кирпича с причудливыми балкончиками. И этот факт заставил меня затормозить еще на пару мгновений.

- Ева! - мама уже успела добраться до большой белой машины, - Ты сегодня выпила тормозной жидкости?

Я поспешила к джипу, чтобы больше не нервировать беременную женщину.

- А где папа? - задала я простой вопрос, надеясь, что снимок в комнате - знак того, что мои родители все еще вместе.

- Может, ты поедешь в клинику со мной? - мама удивленно выгнула бровь, проворно выруливая на трассу по направлению к городу, - Покажем тебя психиатру. Твои провалы в памяти меня немного пугают. А папа уехал заключать договор с партнерами в столицу. Позавчера. Надеюсь, ты запомнишь.

Итак, я оказалась права. Это что же, выходит... родители никогда не разводились? Неужели я схожу с ума?

Весь остальной путь до школы мы проделали под звуки какой-то попсы и в полном молчании. Я просто не знала, о чем говорить. По той причине, что все вещи, которые меня сейчас интересовали, мать бы восприняла как бред сумасшедшего. А беременным волноваться вредно. Мама же тоже не рвалась обсуждать со мной что-либо. Если говорить честно, то она была не совсем похожа на ту маму которую я помнила.

Тот факт, что школа, к которой мы подъехали, была той же школой, которую я знала и помнила, меня невероятно обрадовал. Хотя что-то остается неизменным. Но Лизы у ворот не оказалось. Хотя возможно это было потому, что занятия должны были начаться только через двадцать минут.

Попрощавшись с родительницей, я направилась к входу в учебное заведение с намерением дождаться подругу внутри в тепле.

В холле школы все оказалось таким же, как я помнила – стены были все так же окрашены в небесно голубой цвет, а небольшим гардеробом все так же заведовала крайне неприятная женщина по имени Тамара Сергеевна или для посвященных Горгона.

И все же кое-что изменилось.

– Ева! – некий незнакомый старшеклассник схватил мою шубку и протянул Горгоне, – На выходных все в силе, а?

– Э-э, что? – я даже не знала его имени.

– Ла-адно, – парень улыбнулся и ткнул меня кулаком в плечо, – Спрошу у Волкова

У Волкова?! Он-то здесь при чем?!

– Приве-ет! – на меня налетели еще трое ребят, – Как настро-ой? Боево-ой?

– Су-упер, – я выдавила улыбку.

– Вишне-евская! – долетело до меня с другого конца, – Круто выглядишь!

Пока я искала источник звука, ко мне подбежала девчонка явно чуть младше.

- Е-ева, - она немного заикнулась будто бы от страха, - Распишись, пожалуйста.

- Зачем? - я взяла лист и ручку.

Девчушка содрогнулась, будто я собиралась ее съесть.

- К-как, для ш-школьного совета же, - она старалась не смотреть мне в лицо.

Я черкнула на листе рядом со своей фамилией и решила не разбираться с нервами этой девчушки. В конце концов, многие боятся общаться со старшими. По себе знаю.

- Хэ-хэ-хэй! - на мое плечо легла тяжелая рука. Этого парня я знала в той другой жизни. Сергей, один из друзей Волкова. Красавчик и та еще сволочь.

- Как ты вчера пе-ела, - Сережа засвистел себе под нос, - Я почти влюбился.

- Ага, - я сбросила с себя руку парня, - Почему же "почти"?

Я честно пыталась вести себя как ни в чем не бывало, но, если уж честно, было немного неловко находиться в центре всеобщего внимания.

- Нехорошо отбивать девушек у друзей, - Сережа подмигнул и махнул рукой, - Привет твоему «пупсику»

Отбивать девушек у друзей? Привет пупсику? Вот, черт! Только не говорите мне, что я и Волков... Б-р-р...

Под еще парочку приветствий я добралась до скамьи и уселась, в ожидании подруги, на одну из мягких банкетов, решив использовать свободное время, для того чтобы узнать хоть что-то про здешнюю себя.

Единственное, что могло бы мне помочь сейчас, это мобильный, ну и содержимое сумки. С нее я и решила начать. Учебники меня интересовали мало, а вот

дневник оказался как нельзя кстати. Кроме того, что теперь на меня внимания обрушилось больше, чем даже на Эйфелеву башню в Париже, я узнала, что у здешняя Ева училась, особо не напрягая свой мозг. Возможно, это все ужасное влияние пероксида на волосы. Видимо, вместе с волосами, выгорают и мозги. Или, мозг вытек через лишнюю дырочку в носу?

Здешняя Ева перебивалась с тройки на тройку. Самой высокой оценкой в моей успеваемости была четверка по литературе. Единственная. Хотя, нет. В графе физкультура кругом стояло гордое «отлично». Руки захлопнули эту позорную книжечку и взялись за найденный телефон. Но огромный смартфон отказался включаться, требуя ввести четырехзначный пароль. И тут началось. Я перебрала всевозможные комбинации связанных с датой рождения сначала моей, а потом маминой, но все это не увенчалось успехом.

– Вишневская, – над головой раздался смеющийся и ненавистный мне голос Марины Колосовой, – Чем ты вчера занималась, что память отшибло? Твой код – четыре семерки. Наше с тобой счастливое число.

И весь этот поток информации, состоявший всего из трех предложений, вылился на меня будто очередное ведро ледяной воды на голову. И так, первое, теперь я Вишневская, не Серова. Второе, у нас с Колосовой есть общее счастливое число. Третье, неужели это все сейчас действительно происходит со мной?!

Я подняла взгляд на весело щебечущую Марину и впервые в жизни наткнулась на ее дружескую, слегка ироничную улыбку. Девушка выглядела почти так же, как я ее помнила. Блондинистые волосы все так же обрамляли ее смазливое, ярко накрашенное личико, и только школьная форма смотрелась на ней сейчас вызывающе благодаря малиновой шелковой блузке под коротким пиджаком, а синяя юбка была явно подшита и демонстрировала идеальные ноги в белых колготках.

– ...и, господи, что на тебе надето? – Марина округлила глаза, – Мы же боремся за право освободить нас, старшекласников от оков школьной формы! Это же твои слова!

Девушка явно ждала от меня ответа. Я встала, поравнявшись с ней взглядами, и тоже постаралась премило улыбнуться. Почему я решила улыбнуться? Да потому, что я понятия не имела, кто я такая, что здесь происходит и как все ЭТО

произошло. Сейчас для меня главным принципом стало – не выделяться. А то можно и в психиатрическую лечебницу угодить. С раздвоением личности.

– Я... эээ... передумала. Потому что... Без разницы, что на мне надето. Главное, как ты себя ощущаешь внутри, – брякнула я.

Маринка рассмеялась и по-дружески ткнула меня кулаком в плечо.

– Вау! Это ты где таких умных фраз понабралась? Тренируешься?

«Перед чем это я тренируюсь...?»

– Ла-адно, черт с ней, с этой формой. Мы не должны думать о такой ерунде в та-акой день.

– В какой «та-акой» день? – я поморщилась от ехидной интонации моей теперешней подруженьки.

Терпеть эту особу было выше моих сил. «Уж лучше в психушку» – пронеслось в мозгу.

– Ты забыла? У вас сегодня полгода отношений! Ты что, пила вчера?

Полгода отношений. Полгода! Неужели я, в здравом уме и трезвой памяти, провела целых шесть месяцев с человеком, чье имя мне противно называть?

– Нет. Я все помню, – я кивнула, стараясь не выглядеть дурой. А затем свернула к кабинету литературы, предполагая, что это будет первым уроком. Но, нет.

– Оно и видно, – Марина дернула меня в противоположную сторону, – Геометрия сегодня первая. Или у тебя день сурка и вечный вторник?

– Да, помню. Погулять захотелось.

– А по-моему, просто кто-то вчера переборщил с Мартини.

Я боролась с огромным желанием сделать подножку или проделать еще какую-нибудь небольшую пакость с моей «подруженькой». Одного взгляда на ее лицо мне было достаточно, чтобы начать вспоминать всю ту мерзость, которую она проворачивала для очередной шутки надо мной. Или не надо мной?

– Ты сегодня какая-то...странная. Ты я-явно что-то не договариваешь, я прям носом чую, – Марина даже принялась принюхиваться вокруг моего лица, – Но я-то тебя зна-аю...

«Что за идиотская привычка тянуть гласные?!»

– Ты просто накручиваешь себя! Ваши отношения переходят на новый уровень, и как все пройдет... Я бы, наверное, тоже переживала.

– Что? На новый уровень? – я даже запнулась, не совсем понимая, но, определенно, догадываясь, о чем идет речь, – Нет. Никакого «уровня», просто...эээ... знаменательная дата.

– И поэтому ты записалась в салон перед свиданием, – девушка хихикнула, – Мне кажется, ты не хочешь мне...

– Девочки, – строгий голос математички заставил нас обеих вздрогнуть, – В класс, живо! Кто войдет после меня в кабинет получает дополнительное домашнее задание!

Ох, какова же была моя радость от того, что хоть кто-то смог прервать нашу идиотскую беседу! Это немыслимо! Как, ну вот как моей подругой стала Колосова? И, самое неприятное, сейчас я никак не могла просто перестать с ней общаться. Во-первых, это, наверняка, вызовет кучу сплетен, а во-вторых, лучшая подруга это единственный человек, который знает обо мне, больше меня.

Немного затормозив в проходе между рядами, я села на свое привычное место рядом с Одиночкой, хоть и при первом взгляде на него меня прошибла волна мурашек. Меня никто не остановил, значит, свое место я помнила верно. И тут, сердце замерло, ведь позади меня сидела Лиза. Мне так хотелось, чтобы здешняя Ева тоже общалась с моей лучшей подругой! По привычке тепло улыбаясь я обернулась, но меня встретила волна, нет, целое цунами из

недружелюбия.

Мы не были подругами. Это было понятно еще утром, когда я не встретила ее в вестибюле школы. Но я не хотела это признавать. Сейчас же стало абсолютно понятно, что Лиза меня на дух не переносила.

– Вишневская, – математичка была, как всегда, чем-то недовольна, – Твой затылок меня мало интересуется. Повернись.

Я подчинилась. И было предсказуемым то, что именно я через пару минут стояла у доски, объясняя задачу из домашней работы, которую видела вообще впервые в жизни, впрочем, как и половина класса. Ведь именно я первая, кто привлек внимание всеми любимой учительницы по Кличке Годзилла. С задачей справилась, что крайне удивило и Годзиллу, и одноклассников. Интересно, как бы на моем месте поступила здешняя Ева?

На первой пятиминутной перемене я сделала попытку заговорить Лизой, и это было не лучшей идеей.

– Если ты, еще раз подойдешь ко мне, – Лиза резко развернулась, услышав мой «привет», – Со своими дебильными шуточками про мой рост, вес или другие параметры моего тела, ей богу, Вишневская, я подпорчу тебе твой хорошенький носик.

Этого я и боялась. Здешняя Ева была человеком, на которого мне хотелось походить меньше всего. Неужели личность одного и того же человека может так сильно изменяться?

Я решила, пока оставить все как есть и быстро собрала вещи, а затем поспешила на биологию, стараясь обращать меньше внимания на Марину и прицепившуюся к ней Викторию Травкину.

Но наступила большая перемена и просто так избавиться от внимания всех моих многочисленных друзей не получалось никак. По пути в столовую Вика о чем-то увлеченно спорила с Мариной, периодически следя за моей реакцией, а я делала вид, что не замечаю ничего вокруг. Потому что для того, чтобы вступить в разговор мне нужно было для начала привыкнуть к происходящему, но сделать эту мелочь мне решительно не позволяла совесть.

– Ева, – Марина все же не выдержала моего молчания, – Скажи честно, у тебя отходняк?

– Чего? – я немного опешила.

– Того! – девушка поправила волосы, – Ты вчера много выпила?

Я? Вчера? Черт возьми, эта Ева что еще и алкоголичка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sever_kseniya/inaya-zhizn-evy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)